

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ PUBLIC ADMINISTRATION IN PANDEMIC

DOI: 10.22363/2312-8313-2021-8-2-115-127

Научная статья / Research article

Экстремально-высокая турбулентность окружающей среды как вызов системному управлению XXI-го века

М.А. Игнацкая, Д.Р. Малыхин*

Российский университет дружбы народов,
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
*daniyil.malykhin@mail.ru

Аннотация. Статья актуализирует проблемы разработки теоретических и методологических основ управления турбулентностью окружающей среды в XXI-м веке в свете беспрецедентных изменений, которые произошли как в трактовке самой категории турбулентности, так и возможностей управления ею в период с конца 2019-го года по настоящее время в условиях пандемии COVID-19. Представлены результаты анализа категории турбулентности нового типа, а также определена ее природа и контент. Разработаны концептуальные подходы к критериям эффективности управления турбулентностью. Определен вектор направленности эволюции национальных систем управления в эпоху тотальной турбулентности на уровне государственной политики. Отмечен опыт лучших на начало 2021 года практик управления, который, однако, свидетельствует, что без использования арсенала «жестких» технологий все еще не реально обуздать вызовы экстремально-высокой турбулентности окружающей среды. На основании проведенного исследования авторы пришли к заключению о ключевой роли механизмов обеспечения всеобщего гражданского согласия при реализации режима «ручного управления» в условиях экстремально-высокой турбулентности окружающей среды начала двадцатых годов XXI-го века. Выделены особенности формирования международного социально-экономического контекста периода экстремально-высокой турбулентности, его проблемы и противоречия. К основным особенностям среды реализации новейшего периода относятся продолжающийся системный кризис мирового хозяйства, перманентные структурные финансово-экономические кризисы, а также характеристики процессов глобализации и деглобализации как основные долгосрочные тренды. Наиболее выраженным на текущем этапе стал тренд ко всеобщей деглобализации, проявляющийся в усилении национальных протекционизмов и реализующийся в экономической политике национальных государств. Осуществлен поиск новых международных платформ для реализации регулирующих управленческих действий в условиях турбулентности нового типа.

Ключевые слова: турбулентность окружающей среды, критерии эффективности управления турбулентностью, «социальная экология населения», всеобщее гражданское согласие и сотрудничество, системный кризис мирового хозяйства, структурные финансово-экономические кризисы, деглобализация

© Игнацкая М.А., Малыхин Д.Р., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Заявление о конфликте интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Статья поступила в редакцию: 05.12.2020. Статья принята к публикации: 15.01.2021.

Для цитирования:

Игнацкая М.А., Малыхин Д.Р. Экстремально-высокая турбулентность окружающей среды как вызов системному управлению XXI-го века // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2021. Т. 8. № 2. С. 115–127. DOI: 10.22363/2312-8313-2021-8-2-115-127

Extremely High Environmental Turbulence as a Challenge to 21st Century System Management

Marina A. Ignatskaya, Daniyil R. Malykhin*

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198

*Corresponding author: daniyil.malykhin@mail.ru

Abstract. The article actualizes the challenges of developing the theoretical and methodological basis for managing environmental turbulence in the 21st century under the unprecedented changes that have taken place both in the interpretation of the category of turbulence itself and the ability to manage it between the end of 2019 and the present in the context of the COVID-19 pandemic. The results of the analysis of the category of turbulence of the new type are presented, as well as its nature and content are determined. Conceptual approaches to the criteria for the effectiveness of turbulence management have been developed. The vector of the direction of the evolution of national systems of government in the era of total turbulence at the level of public policy has been defined. The experience of the best management practices at the beginning of 2021 is noted, which, however, shows that without the use of an arsenal of “hard” technologies it is not yet possible to curb the challenges of extremely high environmental turbulence. Based on the study, the authors made the conclusion about the key role of general civil consent and cooperation in the implementation of “manual management” regime under the conditions of extremely high environmental turbulence of the early twenties of the 21st century. The peculiarities of forming the international socio-economic context of the period of extremely high turbulence, its problems and contradictions are highlighted. The main features of this context of the newest period include the ongoing systemic crisis of the world economy, permanent structural financial and economic crises, as well as the characteristics of globalization and deglobalization processes as major long-term trends. The trend towards general deglobalization, expressed in the strengthening of national protectionism and manifested in the economic policy of nation-states, has become the most pronounced at the current stage. New international platforms have been sought to implement regulatory management actions in the face of new type of turbulence.

Keywords: environmental turbulence, criteria for the effectiveness of turbulence management, “social ecology of the population”, general civil consent & cooperation, systemic crisis of the world economy, structural financial and economic crises, deglobalization

Conflicts of interest: The authors declared no conflicts of interest.

Article history:

The article was submitted on 05.12.2020. The article was accepted on 15.01.2021.

For citation:

Ignatskaya M.A., Malykhin D.R. Extremely High Environmental Turbulence as a Challenge to 21st Century System Management. *RUDN Journal of Public Administration*. 2021; 8 (2): 115–127. DOI: 10.22363/2312-8313-2021-8-2-115-127

Определение сущности категории турбулентности-2020

В общем введении в заявленную проблематику статьи авторы полагают целесообразным в первую очередь актуализировать *понимание и трактовку категории турбулентности окружающей среды в условиях XXI-го века* в целом и пандемии COVID-19 в частности. Речь идет о возникновении беспрецедентно новых реалий в социальном управлении, представляющих главный вызов всему системному управлению, а именно о категории экстремально-высокой тотальной (всеобщей) турбулентности окружающей среды и о способах эффективного противостояния ей (как минимум, на общенациональном уровне).

Для определения сущности и контента категории турбулентности-2020 предлагается обратиться к истокам ее изучения, заложенным в работах Игоря Ансоффа [1; 2; 3], а также Ричарда Л. Дафта [4. С. 100–101]. Категория турбулентности трактовалась как сложное системное явление, однако поддающееся при данных качествах эффективному управленческому воздействию, в том числе на основе применения методов планирования и прогнозирования, а также своевременной институциональной имитации [5. С. 119–120]. Из других применимых в новой реальности инструментов управления по контролю за внешней средой можно отметить политическое регулирование и профессиональные ассоциации. При этом в целом турбулентность понималась как максимально возможно высокая степень неопределенности окружающей среды и имела достаточно эффективный инструментарий управления ею [6. С. 165–174]. С наступлением периода пандемии COVID-19 произошло беспрецедентное изменение как сущности (природы), так и контента обсуждаемой категории. Окружающая среда на всех уровнях (и на общенациональных, и на глобальном) с 2020-го года приобрела уникальные и беспрецедентно новые характеристики, а именно перешла в новое качество и превратилась в *тотальную, экстремально-высокую и практически непрогнозируемую реальность, которая и стала представлять собой главный вызов системному управлению* начала третьей декады XXI-го века. При этом уникальность ситуации заключается в том, что практически весь наработанный в международной практике передовой инструментарий управления турбулентностью, включая методы планирования и прогнозирования, а также политического регулирования [6. С. 165–174], оказался не в состоянии оказать позитивное управляющее воздействие на ход распространения пандемии, то есть стал непригоден к использованию в рамках форс-мажорных обстоятельств. Хорошо известно, что современное программное обеспечение способно рассчитывать практически любые прогностические сценарии развития событий в окружающей среде в континууме оптимистических – пессимистических – средневзвешенных. Но ни современная машина, ни человек не способны с высокой точностью указать на сценарий, который действительно будет реализован на практике. Можно констатировать, что в текущих условиях уже перестала эффективно действовать и фундаментальная традиционная управленческая функция планирования, и функция прогнозирования будущей деятельности, оставив лишь свою первооснову в виде целеполагания. То есть уже произошла отмена вероятностного прогнозирования, предвидения и ситуативного просчитывания, что в целом

является крайне опасным для человека. Длительная ситуация, при которой мы лишены возможности прогнозировать дальнейший ход событий, ведет к нарастающей массовой социальной фрустрации, порождающей множественные экономические и культурные шоки (как это уже происходило в наиболее развитых мировых демократиях в 2020-м г.). Кроме того, требуется также уточнение такой категории в рамках теории организации управления, как «структурная недостаточность» [4. С. 209–210], поскольку теперь принимаемые управленческие решения, включая высший государственный уровень, устаревают еще на стадии разработки, не доходя до стадии реализации.

Сама же категория турбулентности трансформировалась и приобрела свойства практически абсолютной, почти полной (или, как минимум, частичной) непрогнозируемости развития как внешней, так и внутренней окружающей среды. Таким образом, системному управлению был брошен новый вызов, в основе которого лежит чрезвычайная многозадачность при сохраняющейся абсолютной турбулентности [7].

Разработка критериев эффективности управления турбулентностью нового типа

Поскольку любое новое явление эпохи социальных трансформаций двадцатых годов XXI-го века, которое следует поставить под управленческий контроль и наладить эффективные управляющие субъект-объектные взаимодействия, объективно требует установки четких критериев эффективности, постольку мы ставим здесь во главу угла *вопрос о разработке критериев управления турбулентностью нового типа*.

Оптимальность, на наш взгляд, исходя из текущего статус-кво, может лежать в плоскости такого базового концептуального подхода, каким является *критерий «социальной экологии населения»*.

Среди прочих известных и исторически применявшихся критериев (таких как, например, чисто экономические и/или финансово-экономические, а также социальные и экологические) на текущем этапе, когда эффективные средства противостояния турбулентности находятся еще только в стадии разработки и тестирования, именно «социальная экология» способна реализовать максимум из текущей чрезвычайной многозадачности на базе единственно возможно разумного подхода, а именно сохранения максимально возможного числа человеческих жизней всеми доступными на текущий момент средствами (проще говоря, подхода, который обеспечивает минимизацию смертности при одновременной максимизации числа выздоровевших). В дальнейшем, по мере наращивания арсенала управленческих средств воздействия на турбулентность нового типа, реально ожидать перехода от данной узкой трактовки социальных критериев эффективности к более широкому основанию – критерию социально-экономической эффективности. То есть объективно закономерно ожидать, что по мере преодоления пандемии и ее последствий, по мере наработки действенного управленческого инструментария закономерно и расширение социального критерия эффективности при его соединении с экономическим. Однако пока подобный переход невозможен по объективным причинам.

Из арсенала уже существующих наработанных и проверенных практикой концептуальных подходов в рамках современной теории организации управления к формированию критериев социально-экономической эффективности наиболее перспективным выглядит подход с точки зрения учета всего спектра интересов так наз. «избирательных округов» (иначе говоря, с учетом полного спектра интересов максимально возможно широкого круга «избирателей») [6. С. 83–86].

Таким образом, следует признать, что только глубинное понимание природы происходящих социальных трансформаций в глобальном контексте способно обеспечить ситуативно-адекватное реагирование на новый вызов системному управлению. Особую роль здесь играют характеристики и параметры трансформирующейся среды реализации глобального мирового контекста – экономические, социально-политические, социокультурные и пр., понимание которых способно вывести исследователей на эффективный управленческий инструментарий противодействия турбулентности-2020 с новыми свойствами.

Определение вектора направленности эволюции национальных систем управления в эпоху тотальной турбулентности

Важность определения вектора эволюции на текущем этапе в применении к национальным системам ГМУ и, в целом, всему публичному администрированию определяется остро стоящими на текущем этапе проблемами скорейшей адаптации к ситуации пандемии, нахождения и тестирования эффективного инструментария противостояния турбулентности-2020. То есть речь идет о беспрецедентно новых условиях реализации управляющих субъект-объектных воздействий, в которых уже отмечаются новейшие сдвиги. В частности, речь идет о таких новых реалиях, которые уже породили массовый переход на «ручной режим» управления национальных систем ГМУ со стороны национального государства, значительно усилив и вдохнув новую жизнь в осуществление им своих традиционных регулирующих, регламентирующих и управленческих функций. Такой текущий вектор направленности эволюции объективно обоснован, поскольку условия пандемии вызвали к жизни давно забытую в эпоху глобализма категорию экономической автаркии, пусть и частичной. Безусловно, эти новые реалии стали своеобразной и эффективной проверкой на прочность любых национальных систем ГМУ и выдали промежуточные результаты, которые еще ждут своих исследователей. Мы же здесь отметим как факт, что пока к категории турбулентности-2020 лучше прочих подошел режим «ручного управления», который характерен для не сложившихся системно и не оформившихся структурно «рыночных демократий», то есть стран, все еще не обладающих признаками «развитости» на основе режимов правового государства, гражданского общества, работающего принципа разделения властей и «экономической демократии».

Отмеченный массовый переход на «ручной режим» госуправления со стороны национальных государств породил как бы «воскрешение» и самой традиционной категории «национального государства», оказавшейся максимально востребованной в ситуации, когда все прочие механизмы управления

функционированием глобальной экономической системы оказались нежизнеспособными.

«Проверку на прочность» на рубеже 2020–2021 гг. прошли национальные системы ГМУ таких, например, стран, как Китай, Вьетнам, Южная Корея, Япония, Новая Зеландия, Австралия. Ее не прошли США, Италия, Германия, Франция, Испания, Португалия и многие другие. Что касается «особого пути» Швеции, то относительно этого варианта ответа на государственном уровне на вызовы турбулентности нового типа уместно заметить, что по официальным заявлениям, он обусловлен необходимостью учета шведской специфики. Последняя основана на философии «лагома» и стремлении сохранить социально-психологическое здоровье нации, а также поддерживать хрупкое социально-политическое равновесие и общий баланс сил в шведском обществе, которые не выдержали бы испытаний вызовами пандемии с жестким вариантом полномасштабного пакета ограничительных мер.

При этом, как справедливо отмечают эксперты МВФ [8], Европа оказалась хуже подготовлена к снятию ограничений, чем Азия, которая первой приняла на себя удар пандемии. Они подчеркивают, что пока у каждой страны своя собственная стратегия противостояния коронавирусной инфекции, в рамках которой, например, европейские страны выходили из карантина на более ранней стадии эпидемиологического цикла, чем азиатские. Однако, несмотря на возможности полномасштабного тестирования, с точки зрения отслеживания контактов и, главное, продуктивной изоляции очагов заражения Европа все еще уступает азиатским аналогам. Сложился определенный парадокс: в странах Старого Света и США в условиях борьбы с пандемией-2020 на первый план вышел экономический критерий эффективности, а в Азии (например, во Вьетнаме или Китае) – социальный, взятый по основанию «социальной экологии населения».

В опубликованном в начале 2021 г. исследовании ВОЗ [9] отмечалось, что европейские страны не сумели предотвратить вторую волну коронавируса после того, как первую удалось поставить под контроль, по причине того, что реакция была неполной и была упущена возможность построить необходимую инфраструктуру в летние месяцы 2020 г. Если во время второй волны также не построят инфраструктуру, то реально ждать новой волны в начале 2021 г. Главной остается задача поставить вирус под контроль без локдаунов.

Что касается стран Восточной Азии, то согласно цитируемому исследованию, здесь ситуация с вирусом много лучше из-за четкой коммуникации между властями и населением. После того, как число случаев заражения удалось значительно снизить благодаря сильной реакции людей, меры не были ослаблены, поскольку сначала надо дождаться, пока показатели станут низкими и будут оставаться таковыми [9]. То есть очевидно, что речь идет не о чем другом, как о *всеобщем гражданском согласии и сотрудничестве*, которое представляет собой необходимое, но не достаточное условие эффективного противостояния турбулентности-2020. Оно и было обеспечено в рамках лучших на сегодня мировых практик. Кроме того, отметим, что азиатской спецификой в странах, демонстрирующих наибольшие достижения по эффективному управлению турбулентностью-2020, является:

- 1) обеспечение высокого качества принимаемых государственных решений, работа на «упреждение» кризиса;
- 2) целенаправленная ставка на исторические и социокультурные особенности национального развития, а также на сложившийся менталитет (что гарантированно обеспечило дисциплинированность, безусловное подчинение решениям властей и высокое доверие к власти);
- 3) абсолютизация профессионального и должностного авторитета руководителя высшего звена государственного уровня;
- 4) максимальная степень доверия к власти и основанная на ней исполнительность по отношению к решениям власти («правильность» модели поведения);
- 5) правила (включая жесткие ограничительные меры) считаются едиными для всех, а нарушения выступают как табу и таким образом, нарушитель неизбежно подвергается всеобщему ostracismу.

Если кратко актуализировать различные национальные сценарии развития (и западные, и восточные) как ответ на вызовы турбулентности-2020, то опыт лучших на начало 2021 года практик управления показывает, что без использования арсенала инструментов «жестких» технологий пока практически не реально обуздать вызовы пандемии и справиться с управлением экстремально-высокой турбулентностью окружающей среды. Иными словами, пока максимальные результаты демонстрируют те страны, которые научились «жить по регламенту» в условиях турбулентности на основании отстроенной на всех уровнях «вертикали власти» в условиях максимально высокой турбулентности.

Особенности формирования и роль международного социально-экономического контекста периода экстремально-высокой турбулентности

К основным особенностям среды реализации (международного социально-экономического контекста) новейшего периода относятся: *продолжающийся системный кризис мирового хозяйства, перманентные структурные финансово-экономические кризисы, а также характеристики процессов глобализации и деглобализации* (как основные долгосрочные тренды).

Процессы глобальных изменений длительное время были сопряжены с обстановкой системного и структурных кризисов мирового хозяйства. Глобальный характер последних, глубина и острота определяются базисными механизмами функционирования, и в первую очередь значительным ростом неустойчивости мировых финансовых рынков на рубеже XX–XXI-го веков при продолжающихся качественных сдвигах в расстановке сил между США и ЕС, с одной стороны, и КНР и Японии, с другой. Произошел прогрессирующий отрыв курсообразования от мировых товаропотоков, сначала в условиях абсолютного доминирования доллара США, а в последнюю декаду – обострившейся конкуренции со стороны евро, юаня и иены. С начала XXI-го века ускорился процесс либерализации движения капиталов в условиях внедрения новых информтехнологий, а также отрыв обменных курсов валют от цен на товары. Иначе говоря, усилилась изменчивость международной валютно-

финансовой системы, с качественного состояния и противоречий которой и начинается любой современный структурный кризис. В условиях, когда виртуальная экономика многократно обошла реальную, рыночная капитализация компаний искусственно раздувается, а массовое надувание «мыльных пузырей» спекулятивной игрой на валютной и финансовой биржах становится закономерностью процессов глобализации. Экономические кризисы последних двух декад подтверждают, что глобализация, образование всемирного рынка капиталов и валют, возможность совершения операций с помощью электронных средств связи практически в любой точке земного шара в режиме реального времени вносят существенные коррективы в традиционно сложившиеся закономерности курсообразования, усиливают общую нестабильность и непредсказуемость современной валютно-финансовой системы. Усилению неопределенности также способствует отрыв валютно-финансовой сферы от реальной экономики, вплоть до того, что МВФ все чаще не справляется с уставной ролью стабилизатора международных валютно-финансовых отношений, а стихия в международных экономических отношениях объективно чревата новыми опасными катаклизмами глобального масштаба. Отсюда объективно следует необходимость выработки международных механизмов согласования политики государств и региональных объединений в интересах устойчивости развития [10. С. 23–30; 11. С. 39–45].

Таким образом, необходимо констатировать, что к периоду экстремально-высокой турбулентности глобальное мировое хозяйство подошло с серьезными и глубокими осложняющими его состояние противоречиями. Дефакто полностью перестала выполнять свои регулирующие функции Ямайская (Кингстонская) валютно-финансовая система, существующая еще де-юре, однако без появления каких-либо новых регулирующих механизмов, способных ее реанимировать. Иными словами, механизмы функционирования мировой экономики и системы международных экономических отношений к 2020 г. стали неэффективными: идеи «рыночного фундаментализма» и соответствующие им механизмы национального и наднационального управления глобальной экономикой как идеологическая основа управленческой парадигмы регулирования социально-экономических процессов периода глобализации доказали свою полную несостоятельность (а в Европе к ним добавился также крах идей мультикультурализма).

В этих условиях неудивительно, что международные эксперты говорят о кризисе столетия, а прогнозы делаются в рамках пессимистического спектра развития [8]. Причем впервые в истории прогнозы МВФ устаревают быстрее, чем их удастся оформить и представить публике. Это еще одно проявление вызовов системному управлению со стороны экстремально-высокой турбулентности. Достаточно сказать, что оценки ущерба трех крупнейших мировых экономик, обеспечивающих более 50% мирового выпуска продукции и ее потребления, были оценены в 2020 г. как самые серьезные падения в современной истории. Пандемия прервала восстановление мировой экономики после предыдущего кризиса 2008–2009 гг., а масштабы того кризиса сегодня оцениваются как смехотворные по сравнению с тем, что будет после текущей депрессии, уже названной «Великим карантином». Если в 2008–2009 гг. мир отделался в основном смягчением денежной политики, то теперь проблема не

в недостатке капиталов, а в связанных с пандемией COVID-19 расходах и ограничениях. То есть «платить по счетам» предстоит будущим поколениям (в том числе через рост налогов и темпы инфляции).

Эксперты также ожидают *дальнейшего усиления трендов к деглобализации* и подчеркивают, что на фоне пандемии и в 2021 г. в деловом сообществе будут продолжать «править» эгоизм политических элит, недоверие и игры «мы против всех» [12].

При этом национальные экономики продолжат испытывать давление со стороны правительств, раздающих субсидии и льготы. Экономический прорыв в подобных условиях становится невозможен.

Пандемия *усиливает деглобализацию и создает огромные препятствия для будущего экономического роста*. За последние 30 лет мир становился все более и более взаимозависимым и взаимосвязанным за счет научно-технического прогресса и экономической глобализации, проявлявшейся трендами повсеместно, – и в политике, и в экономике, и в корпоративных цепочках поставок. Масштабные отказы от глобальных поставок и вынужденный переход к автаркии ведут к массовому возвращению производств из-за рубежа и к созданию новых программ по локализации производства. На первый план выходит *идея «национальной самодостаточности»*, и в первую очередь она распространяется на производство медицинских товаров, пищевые производства, энергетику и сферу высоких технологий. Реализация «национальной самодостаточности» ведет к неизбежному росту издержек локальных производств и, в конечном счете, к росту цен практически на все товары и услуги. Таким образом, данный тренд слишком дорого обходится и потребителям, и национальным правительствам, и рынку труда в целом.

Текущая ситуация бьет по глобализму как политике интеграции экономической деятельности стран и континентов. Разрывы цепочек поставок уже привели в 2020 г. к остановкам многих предприятий, а также породили сложности быстрого налаживания жизненно важных производств (например, медицинского оборудования – жизненно важных в условиях пандемии COVID-19 аппаратов ИВЛ) [13]. Получается, что мировая экономика оказалась абсолютно незащитна перед новыми вызовами глобальному системному управлению, которые могут повториться когда угодно и где угодно. При этом, как мы отмечали выше, еще до наступления периода пандемии мировая экономическая система уже была серьезно «больна» и не была способна решить в корне многие из проблем своего функционирования (главное тому свидетельство – перманентные мировые структурные финансово-экономические кризисы и, в целом, системный кризис мировой экономики).

Итак, мы констатировали произошедшие кардинальные сдвиги в среде реализации системного управления, требующие дальнейших широкомасштабных практико-ориентированных исследований обозначенного здесь нами глобального контекста – экономического, политического и социокультурного. Наиболее выраженным на текущем этапе стал *тренд ко всеобщей деглобализации*, находящий свою реализацию в усилении национальных протекционизмов и проявляющийся в экономической политике национальных государств.

Поиск новых международных платформ для реализации регулирующих управленческих действий в условиях турбулентности-2020

Формирующийся международный социально-экономический контекст периода экстремально-высокой турбулентности и основные закономерности его развития настоятельно требуют активного поиска новых международных площадок для выработки и реализации регулирующих действий со стороны мирового сообщества.

Как показывает практика, подобная деятельность носит стратегический характер, объективно обусловлена и требует глобальных платформ, одной из которых может стать *платформа формата G-20*. В частности, она уже была опробована на саммите в конце ноября 2020 г., когда Председатель КНР Си Цзиньпин внес *предложения о новой роли G-20 в международном порядке и мировом устройстве* [14]. Конфигурация последних была задана в рамках следующих принципиальных *концептуальных подходов*:

- создание глобального зaslona пандемии посредством совместной работы над вакцинами, оказание помощи развивающимся странам;
- снижение барьеров для восстановления мировой экономики; изучение возможностей либерализации торговли базовыми товарами медицинского назначения;
- содействие здоровому росту цифровой экономики, совместное создание среды для цифрового развития и преодоление цифрового разрыва;
- реализация развития на более широком пространстве;
- *обеспечение роста роли G-20 в глобальном управлении;*
- *укрепление международной системы во главе с ООН;*
- *оптимизация структуры управления в условиях экономической глобализации;*
- *увеличение потенциала реагирования на глобальные вызовы.*

Все вышеперечисленные направления международной регулирующей деятельности являются остро актуальными, но особый интерес среди них, на наш взгляд, представляют *последние четыре пункта*. Они связаны с обеспечением роста роли G-20 в глобальном управлении в условиях крупнейшего кризиса человечества, и их значимость подтверждают многочисленные факты проявления недееспособности современной системы глобального управления. Отсюда следует вывод о том, что в постковидную эпоху именно платформа G-20 призвана нести более весомую ответственность за улучшение международного порядка и глобального управления. Укрепление международной системы необходимо для мощного глобального противодействия глобальным угрозам и кризисам. Здесь были предложены «три принципа защиты»:

- 1) защита международной системы во главе с ООН;
- 2) защита международного порядка, в основе которого лежит международное право;
- 3) защита ключевой роли ООН в международных делах.

То есть КНР внесла предложения по созданию конкретных механизмов достижения глобального консенсуса, мобилизации глобальных ресурсов и координации глобальных действий.

Оптимизация структуры управления в условиях экономической глобализации, с одной стороны, и мощного тренда к деглобализации, с другой, была обоснована на путях защиты системы многосторонней торговли, основанной на международных нормах и характеризующейся прозрачностью, недискриминационностью, открытостью и инклюзивностью. То есть предлагаемая структура управления отрицает односторонние подходы и протекционизм в целях эффективного противостояния вызовам, возникающим в ходе экономической глобализации, ее сбалансированного и взаимовыгодного продолжения.

В этом же ключе должно действовать и увеличение потенциала реагирования на глобальные вызовы, среди которых самое актуальное – это укрепление глобальной системы общественного здравоохранения, предотвращение и контроль над коронавирусной инфекцией, а также прочими инфекционными заболеваниями человечества. Вместе с тем следует активизировать международное сотрудничество в сфере защиты окружающей среды во благо сохранения нашего общего дома.

Таким образом, по существу КНР уже выдвинула в конце 2020 г. если не стратегию, то по меньшей мере декларацию о намерениях в области создания принципиально новых основ глобального системного управления в ответ на вызовы экстремально-высокой турбулентности окружающей среды. По какому пути пойдет реформирование современной морально устаревшей модели мировой экономики и системы международных экономических отношений, которые уже не способны реагировать на вызовы 20-х годов XXI-го века и страдают «структурной недостаточностью», покажет ближайшее время. Однако ясно, что грянут радикальные изменения в мировом хозяйстве.

Также заключаем, что экстремально-высокий уровень турбулентности окружающей среды в 2021 г. сохраняется, а накопленный опыт управления им даже в рамках лучших на сегодня мировых практик все еще не может быть переведен в ранг универсальных алгоритмов управленческих субъект-объектных воздействий (не говоря уже об управленческом инструментарии уровня государственной политики).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Ansoff H.I.* Corporate Strategy. N.Y.: McGraw-Hill, 1965.
- [2] *Ansoff H.I.* Concept of Strategic Management // Journal of Business Policy. 1972. Vol. 2. № 4.
- [3] *Ансофф И.* Стратегическое управление. М.: Экономика, 1989.
- [4] *Daft R.L.* Organization Theory and Design. New York: West Publishing Company, 1994.
- [5] *Дафт Р.Л.* Менеджмент. 6-е изд. / Пер. с англ. СПб.: Питер, 2006.
- [6] *Дафт Р.Л.* Теория организации: Учебник. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016.
- [7] Управление социальными инновациями: опыт, проблемы, перспективы: сборник статей VIII Международной научно-практической конференции. Москва, 19–20 ноября 2020. М.: Изд. РУДН, 2020.
- [8] Мировой экономике грозит кризис столетия, предупредил МВФ // BBC News. Русская служба новостей. 13.05.2020. URL: <https://news.mail.ru/economics/41754352/>. Дата обращения: 03.10.2020.

- [9] ВОЗ предупредила об угрозе третьей волны COVID-19 в Европе // РИА Новости. 22.11.2020. URL: <https://news.mail.ru/society/44255345/?frommail=1>. Дата обращения: 25.11.2020.
- [10] Динкевич А.И. Мировой финансово-экономический кризис (опыт структурно-функционального анализа) // Деньги и кредит. 10.2010. С. 23–30.
- [11] Современная экономическая теория и реформирование экономики России. М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2010. С. 39–45.
- [12] Эксперты ожидают усиления деглобализации на фоне пандемии // Газета.ру. 03.07.2020. URL: <https://news.mail.ru/economics/42425408/?frommail=1>. Дата обращения: 04.10.2020.
- [13] Коронавирус меняет мировую экономику // Lenta.ru. 08.05.2020. URL: <https://news.mail.ru/economics/41694640/?frommail=1>. Дата обращения: 14.10.2020.
- [14] Китай выдвинул предложения по мировому устройству после пандемии // РИА Новости. 22.11.2020. URL: <https://news.mail.ru/politics/44256922/?frommail=1>. Дата обращения: 25.11.2020.

REFERENCES

- [1] Ansoff H.I. *Corporate Strategy*. N.Y.: McGraw-Hill; 1965.
- [2] Ansoff H.I. Concept of Strategic Management. *Journal of Business Policy*. 972. 2 (4).
- [3] Ansoff H.I. *Strategicheskoe upravlenie* [Strategic Management]. Moscow: Ehkonomika; 1989 (In Russ.).
- [4] Daft R.L. *Organization Theory and Design*. New York: West Publishing Company; 1994.
- [5] Daft R.L. *Menedzhment*. 6-e izd. [Management. 6th edition]. SPb.: Piter; 2006 (In Russ.).
- [6] Daft R.L. *Teoriya organizacii* [The Theory of Organization]. Moscow: Yuniti-Dana; 2016 (In Russ.).
- [7] *Upravlenie socialnymi innovatsiyami: opyt, problemy, perspektivy: sbornik statej VIII Mezhduнародной nauchno-prakticheskoy konferencii* [The Management of Social Innovations: Experience, Problems, Prospects: conference proceedings]. Moscow, 19–20.11.2020. Moscow: RUDN University; 2020.178 p. (In Russ.).
- [8] Mirovoj ehkonomie grozit krizis stoletiya – MVF [Global Economy Faces Crisis of the Century, IMF Warns]. *BBC News. Russian News Service*. 13.05.2020. URL: <https://news.mail.ru/economics/41754352/>. Accessed: 03.10.2020 (In Russ.).
- [9] ВОЗ предупредила об угрозе третьей волны COVID-19 в Европе [WHO Warns of the Threat of a Third Wave of COVID-19 in Europe]. *RIA News*. 22.11.2020. URL: <https://news.mail.ru/society/44255345/?frommail=1>. Accessed: 25.11.2020 (In Russ.).
- [10] Dinkevich A.I. Mirovoj finansovo-ehkonomicheskij krizis (opyt strukturno-funktionalnogo analiza) [World Financial and Economic Crisis (Experience of Structural and Functional Analysis)]. *Dengi i kredit*. 2010; 10: 23–30 (In Russ.).
- [11] *Sovremennaya ehkonomicheskaya teoriya i reformirovanie ehkonomiki Rossii* [Modern Economic Theory and Reformation of the Russian Economy] Moscow: ЗАО “Издательство “Экономика”; 2010: 39–45 (In Russ.).
- [12] Ehksperty ozhidayut usileniya deglobalizacii na fone pandemii [Experts Expect Increased Deglobalization against the Background of the Pandemic]. *Gazeta.ru*. 03.07.2020. URL: <https://news.mail.ru/economics/42425408/?frommail=1>. Accessed: 04.10.2020 (In Russ.).
- [13] Koronavirus menyaet mirovuyu ehkonomiku [Coronavirus Changes the World Economy]. *Lenta.ru*. 08.05.2020. URL: <https://news.mail.ru/economics/41694640/?frommail=1>. Accessed: 14.10.2020 (In Russ.).
- [14] Kitaj vydvinul predlozheniya po mirovomu ustrojstvu posle pandemii [China Has Put Forward Proposals for the World Order after the Pandemic]. *RIA News*. 22.11.2020. URL: <https://news.mail.ru/politics/44256922/?frommail=1>. Accessed: 25.11.2020 (In Russ.).

Информация об авторах:

Игнацкая Марина Анатольевна – доктор экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Российского университета дружбы народов (ORCID ID: 0000-0001-7573-1404) (e-mail: ignatskaya_ma@pfur.ru).

Малыхин Даниил Рафаилович – студент кафедры политического анализа и управления Российского университета дружбы народов (e-mail: daniyil.malykhin@mail.ru).

Information about the authors:

Marina A. Ignatskaya – Doctor of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of State and Municipal Management, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0001-7573-1404) (e-mail: ignatskaya_ma@pfur.ru).

Daniyil R. Malykhin – Student of the Department of Political Analysis and Management, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Russian Federation) (e-mail: daniyil.malykhin@mail.ru).